

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

НАТАЛЬЯ КОСУХИНА

ОРК
ЕЕ МЕЧТЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К71

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Косухина, Наталья Викторовна.

К71 Орк ее мечты : [роман] / Наталья Косухина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Звезды романтического фэнтези).

ISBN 978-5-17-162669-3

Я медик со стажем. Жила себе, спасала людей, но в один прекрасный день из-за нелепой случайности попала в другой мир, в чужое тело. Теперь вместо сорока мне не больше семнадцати, таблетки от давления забыты, кости не ломит, голова не болит. Но вместе с этим я вынуждена жить в средневековом обществе, где женщина по определению не может лечить, а любовь — это брак по расчету.

Опустить руки? Не вариант. «У меня все получится!» — думала я, пока во время одного из набегов меня не украл орк.

И что теперь делать бедовой попаданке?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162669-3

© Н. Косухина, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

— **Н**ечаева! Давай ток!
— Семеныч, перестань кривляться! Или после праздников останешься без премии, — проворчала я, с трудом отобрав у заметно подвыпившего санитаря электроды дефибриллятора. — У начальства терпение безгранично: сломаешь прибор — и твои запои станут отличным поводом для увольнения. Весь коллектив, вместе взятый, не поможет.

— Зануда! Не найти тебе мужика, так и знай, — обиженно буркнул Семен Семеныч, один из санитаров ночной смены и старожил нашей больницы. Пошатываясь, он вышел из палаты интенсивной терапии в приемном покое и побрел по коридору — наверняка в самую дальнюю подсобку, где в ведре со швабрами прятал бутылочку «беленькой».

Проводив его хмурым взглядом, я осмотрела комнату, где принимали «тяжелых», экстренно поступивших пациентов. Просто проверила, вдруг этот вечно подвыпивший жук еще во что-

нибудь решил поиграться. Вроде все на месте и готово к любым ситуациям. И даже выглядит солидно для нашей больницы в маленьком провинциальном городе.

Вздыхнув, я вернула на место электроды и отправилась в ординаторскую. Хотелось успеть сделать хоть глоток чая, а то сестрички из «приемника» сообщили, что нам вот-вот привезут очередного бедолагу по «скорой». Дежурить в праздники — сомнительное удовольствие, однако деваться некуда. Сложно отказать в подмене, когда об этом с жалобной настойчивостью просят коллеги. У них мужья и дети, куча родных, или любимые собаки не переносят одиночество, еще любовники, а у меня никого.

Праздновать в пустой квартире в одиночестве — тоскливо. Родители несколько лет назад покинули мир один за другим; я была поздним ребенком, и их время пришло, хотя мне чуть больше сорока. С дальними родственниками я не общаюсь, семьи нет. Любовника пока или уже нет. Так что можно и на смене лишний раз посидеть.

Знакомо загрохотали колеса каталки, двери приемного покоя открылись, и в приемник ввели сильно нетрезвого мужчину с ножом в плече. При этом он пытался встать, всех громко посылая по известному адресу и явно не испытывал неудобств с чуждым элементом

в теле. С недоумением выслушав его короткое выступление и оценив ранение, я повернулась к сестре.

— Маш, по этому красавцу вызывайте хирургов с третьего этажа, я-то при чем?

— Татьяна Сергеевна, сегодня все нечаянно так вышло. Горадорев с утра слег с температурой и рвотой, Пал Саныч с самого обеда пытался найти ему замену на ночную смену, но... не смог. Воронов в отпуск на юг вчера улетел, Порфирьев утром смену сдал и свалил в лес с мужиками на какую-то заимку, они там по дороге уже отмечать начали. Васильев трубку не берет. А вы же не только ортопед, но и хирург общего профиля. Практиковали... Вот заведующий и решил, что на крайний случай и вас достаточно для экстренных ситуаций...

Нашел Горадорев время «заболеть»! Сильно сомневаюсь в его недугах: они проявляются именно на праздники.

В нашей глуши была острая нехватка врачей, поэтому приходилось вертеться. Уже осознавая, что ничего не могу изменить — самого заведующего заставить дежурить ночью я точно не сумею, уже просто хмуρο проворчала:

— Теперь я только ассистирую на таких операциях, а не провожу их в одиночку.

— Пал Саныч сказал, вы прекрасный хирург, и он до сих пор не может понять, с чего вы в ортопеды ушли?!

— А мне сказал: «Татьяна Сергеевна, вы большая молодец, ведь нашей больнице как раз катастрофически не хватало ортопеда», — с иронией парировала я.

— Так что с этим делаем? Его все равно некуда везти: сегодня вы дежурите, — напомнил нам о насущной и все громче поющей проблеме фельдшер «скорой».

Когда-то я думала, что моя стезя — исключительно хирургия. Сейчас чувствую... стара я стала, внимание притупляется, вены на ногах полезли, суставы ломит и хвост отваливается. Чуть не забыла как-то в пациенте операционный тампон — вот вышел бы знатный скандал. В общем, сперва я перешла на более легкие операции, а затем решила сменить специализацию. Рисков меньше, во всех смыслах.

— Пусть готовят операционную и возьмут кровь, — сдалась я под мрачными взглядами медсестры и фельдшера. И угрюмо перечислила список нужных анализов.

И вроде случай не тяжелый, важных органов задеть не должно было, но мужик сильно пьяный, а это все усложнит в разы.

— Я пошла готовиться и жду результатов, — бросила я за спину Маше.

Эх, надо было поплевать на удачу, а я чистые полы пожалела: следующие несколько часов превратились в ад.

— Пить вредно, Минздрав же постоянно предупреждает... — бубнила я, пока откачивала этого молодого и здоровенного пьяницу, что решил под Новый год испортить нашей больнице статистику по смертности.

Это ж ни премии потом, ни спокойной жизни... Еле откачали его после остановки сердца. Совершенно измотанная, я сидела в ординаторской и гипнотизировала взглядом мандаринки в вазочке на столе.

В ординаторскую зашла молодая и яркая женщина в отутюженном белоснежном халате и на каблучках — наш терапевт, Любовь Викторовна Меньшова. Оценив мой потрепанный вид, Люба с улыбкой заметила:

— Говорят, ты молодец.

— О да... — поморщилась я, а потом довольно добавила: — С легким сердцем передала его в другое отделение. Однако еще вся ночь впереди.

— Голова болит? — тут же уточнила Люба, сев на соседний стул.

— Да, сегодня особенно. Погода, наверное, будет меняться.

— Таблетки от давления пила?

— Нет, — вздохнула я и полезла в сумку.

— Ты хуже, чем мои пациенты, — осуждающе покачала головой Люба. — А еще медик. Зашла бы ко мне, я бы посмотрела.

— Не начинай. Это возраст. Хотя я еще молодая, но чувствую, что разваливаюсь по кускам.

— Мы на то и врачи, чтобы всех склеивать, — усмехнулась Люба. — Кстати, через два часа отмечаем здесь праздник. Ты делаешь нарезку.

Улыбнувшись, я кивнула и отправилась на обход, проверить больных. Самое важное — проконтролировать, чтобы они не начали праздновать на всю катушку, увлекшись возлияниями. А то ночка будет веселой.

У кого-то веселье и не заканчивалось.

— Атас! У нас тут праздник высший класс! Ла-ла-ла...

На выходе из отделения Семеныч представлял, что швабра уборщицы тети Зины — это микрофон. Голос у нашего санитаря просто отвратительный. Может, ему снотворного подсыпать?

Телефонный звонок помешал моим коварным планам.

— Татьяна Сергеевна, у нас еще один тяжелый.

— Иду!

С сожалением покосившись на Семеньча, я бросилась вниз. Пациента уже доставили, он был весь в крови. Голова — в особенности. Вокруг суетились врачи.

— Что случилось? — нахмурилась я, быстро надевая перчатки.

Запаха алкоголя нет, травмы весьма специфические и множественные.

— Авария на трассе, — пояснила Маша и осторожно уточнила: — На рентген?

— Нет времени, давай его в интенсивную, — велела я.

В ответ на мои слова послышался протяжный писк. Дальше началась суета: влететь с каталкой в соседнее помещение, буквально разодрать рубашку на груди окровавленного мужчины, схватить электроды. Гель лег на пластины, а они уперлись в кожу.

— Разряд!

Пострадавший выгнулся, но монитор тоскливо гудел на одной обреченной ноте.

— Еще. Добавь.

Увеличив мощность, мы попробовали снова.

— Раз, два...

А потом послышался треск, заискрило, и меня ударило током. Следом — резкая боль и темнота.

Кажется, я умерла.

Медленно приходя в себя, я открыла глаза, но не смогла ни на чем сфокусировать взгляд. Все плыло, голова раскалывалась, и тело слушалось с огромным трудом. Удар током... Очень странные симптомы я испытывала.

— Джусмус, уверен, что она не помрет? — послышался встревоженный женский голос.

Кто? Необычное имя. Ради меня пригласили иностранного специалиста?

— Не могу сказать. Неизвестная болезнь подкосила Эйлинель. Остается только ждать. Может, и умрет...

— Она заразная?!

— Если остальные еще не заболели — думаю, нет, но обещать не могу.

Послышались удаляющиеся шаги, а я из сказанного вычленила только одно: «она умрет». И готова была орать. Как это умрет?! От удара током? Если еще жива — значит, все будет нормально. Что это за больница и шарлатан, работающий в ней?

Я хотела подняться и высказать все, что думаю об этих горе-специалистах, однако лишь застонала. От напряжения все тело пронзила боль, и я решила не дергаться. Приду в себя — тогда и разберусь, что вообще происходит.

— Полагаешь, не поправится? — спросил незнакомый женский голос.

— Не знаю. Помрет — сватовство сорвется и взять выкуп не получится, а мы ведь очень на него рассчитываем. Плохо. Надо ухаживать за Эйлинель лучше, мы не можем ее потерять.

— А если сами захвораем?

Видимо, зря я возмущалась и пыталась встать: мысли начали путаться, и я постепенно уплывала в черное забытие, так и не успев обдумать то, что услышала.

Зато такая возможность появилась позже.

Поправлялась я медленно. И неудивительно, если принять во внимание условия. Поняла, что что-то пошло не так, я только через несколько дней, когда очнулась и смогла осмотреться по сторонам.

Я лежала на грубо сколоченном топчане, где мои бедные косточки уже знали каждую неровность и щель под убогим тоненьким матрасом. Накрывала меня шкура, а не одеяло. Вокруг комната три на три, единственное окно едва дает света. В углу печь, но не наша добротная русская, а узкая, с открытым очагом, где частенько что-то варили. Пара сундуков у стен, лавки, стол и колченогие стулья. И еще две двери, кажется, в соседние комнаты.

Первая мысль: я в коме... Потом подумала, что повредила умом после травмы. Но время шло, я потихоньку поправилась, и пришлось признать нерадостную действительность — то ли я попала в иную реальность, то ли меня завезли в сельскую глухомань, в дряхлый домишко, да и бросили.

На этом сюрпризы не закончились. Еще пару дней спустя меня решили помыть. Занесли в комнату лохань, наполнили водой и, перетащив меня ближе к ней, помогли раздеться. Только сейчас я смогла рассмотреть свое тело... От шока я закричала, а потом рухнула в лохань и едва не утопилась в этом почти тазике. Незнакомые люди, окружающие меня, однозначно

решили, что я окончательно свихнулась. Только потом поняла: девушка, в чье тело я попала, изначально не была нормальной. Поэтому своим поведением я и не вызвала у них особенного удивления.

Сомнений не осталось: тело чужое, реальность тоже не моя. До удара током я была симпатичной сорокалетней женщиной с добротными бочками, разбросанными по животу родинками и шрамом от аппендицита, а сейчас молодая, невероятно красивая девушка с острыми ушами и чистой, нежной кожей молочного цвета. А техногенный мир сменился серым унылым Средневековьем. Эти факты кого угодно ввели бы в ступор — вот я и впала в апатию.

Разговаривать с окружающими не было смысла. Что они могут ответить, если считают меня другим человеком? Да и уровень их развития не предполагает построение гипотез о параллельных мирах. Можно ли вернуться обратно? Я бы в отчаянии сунула пальцы в розетку, но электричества в этом мире не было. Оставалось смириться и заняться сбором информации.

Что было ясно точно: теперь меня звали Эйлинель, фамилии и отчества не имелось. Жила я в темном старом деревянном доме, который принадлежал зажиточной семье. Это стало понятно, когда я вышла на улицу и узрела остальное. Уровень жизни был... словами не передать.

Крохотное поселение домов на тридцать. Сами дома похожи на избышки на курьих ножках. Причем в прямом смысле, «посажены» на пни — видимо, чтобы защитить во время наводнений. Некоторые похожи скорее на шалаши, ветви стянуты между собой, а сверху солома. «Наш» был сколочен из бревен, как и еще несколько, что позволило мне сделать вывод о более зажиточном положении. Климат теплый, влажный, поэтому кое-где на стенах сооружений проглядывала плесень, а где-то — откровенная гниль. Зато не стоило опасаться, что на голову может упасть крыша: в случае обвала она едва ли кому-нибудь бы навредила.

Дорог не имелось, кроме тех, что протоптали жители. Притом, что домов не более тридцати, народу — раз в десять больше. Значит, семьи большие. Параллели я могла провести только с историей своего родного мира, и выводы получились нерадостными. Глухое средневековье окружало меня в прямом и переносном смысле слова.

Общество вполне соответствовало первым впечатлениям. Мало кто мог читать, еще меньше тех, кто умел писать. Зато слухи, сплетни и невежественность процветали повсеместно. Сказать, что все плохо, — просто ничего не сказать. То, что я не погибла от удара током, — это благословение свыше или наказание?

Лучше бы дали мне умереть!